
Алексей Русских
Бог машине

Алексей Русских

Бог машине

«Автор»
2026

Русских А.

Бог машине / А. Русских — «Автор», 2026

В мире, где солнце умерло сто лет назад, человечество выживает внутри Левиафана — гигантского шагающего города, идущего по ледяной пустоши.Его печи требуют топлива.Топливом становятся души.Каэл, бедный ныряльщик из Нижнего Яруса, рискует жизнью ради больной сестры Лиры. Но однажды в шахте он находит белый эхо-кристалл — и вместе с ним получает не богатство, а проклятие.Сердце мертвого бога просыпается в его крови.Пепельная Инквизиция объявляет Код Черный. Теневые Охотники идут по следу. А сама Ночь начинает приближаться к городу.Теперь Каэлу предстоит узнать, кем на самом деле была его сестра, кто убил его мать и почему Первый Инквизитор ждал его сто лет.Но главный вопрос ждет в сердце Левиафана:сколько памяти, любви и человечности нужно потерять, чтобы вернуть миру рассвет?

© Русских А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Русских
Бог машине

БОГ В МАШИНЕ

Роман

ПРОЛОГ: МАТЕМАТИКА ТЕПЛА

Перо скрипело по пергаменту — звук, который Веспера научилась не замечать двадцать лет назад.

Она сидела за столом из чёрного дерева, привезённого из давно погибших лесов Южного Кольца. Стол был реликвией, как и она сама — пережитком времени, когда деревья росли, а не выращивались в гидропонных камерах. Перо было настоящим, гусиным, добытым откуда-то с верхних ярусов, где ещё водились птицы.

Веспера подписывала приказ.

Сорок семь душ. Нижний Ярус. Сектор 7-G.

Среди них — двенадцать детей с пневмонией пепла.

Она не моргнула, когда подписывала. Не дрогнула рука. Перо двигалось ровно, выводя каждую букву с аккуратностью, которой позавидовал бы любой писец.

Марта Ковач, 47 лет. Хронический бронхит.

Томас Рен, 62 года. Сердечная недостаточность.

Элла Маркус, 8 лет. Пневмония пепла. Терминальная стадия.

Йозеф Маркус, 6 лет. Пневмония пепла. Терминальная стадия.

Она писала имена, и каждое было как удар молотка по наковальне. Не по сердцу — сердце она потеряла давно. По наковальне. По холодному, твёрдому металлу, который когда-то был живым, чувствующим, но теперь служил одной цели: ковать тепло.

Четыре миллиона двести тысяч.

Столько имён было в книге, которая лежала закрытой в ящике стола. Книга в человеческой коже — не метафора, настоящая, снятая с первого еретика, которого сожгли сто лет назад. Закладки из волос. Каждая запись — её рукой. Каждая душа — её решение.

Она знала их всех наизусть.

Не потому что помнила. Память — это роскошь, которую Инквизиторы не могут себе позволить. Она знала их, потому что они были вписаны в неё, как Эхо-кристаллы вписаны в топку. Они стали частью её, как сажа становится частью лёгких Ныряльщика.

Веспера отложила перо. Посмотрела на приказ. Сорок семь имён. Сорок семь жизней, которые закончатся завтра на рассвете, когда их приведут в Камеру Преображения и сожгут. Их души станут кристаллами. Кристаллы пойдут в топки. Топки дадут тепло. Тепло даст движение.

Движение — это жизнь.

Остальное — математика.

Она подписала последнюю строку, поставила печать Инквизиции — круг с вписанным треугольником, в центре которого горело пламя. Приказ был готов.

Веспера встала. Подошла к окну.

За стеклом, в вечной ночи, медленно переставлялись лапы Эгиды. Каждая — размером с собор. Каждая — с шагом, который чувствовался в подошвах, как землетрясение.

Сто лет этот шаг был её колыбельной.

Она закрыла глаза и прислушалась.

Топ. Пауза. Топ. Пауза.

Ритм. Размеренный. Надёжный. Как сердцебиение.

Но сегодня...

Сегодня что-то было не так.

Веспера открыла глаза. Посмотрела на пол.

Вибрация.

Едва заметная. Такая, что любой другой не почувствовал бы. Но она чувствовала. Двадцать лет она стояла у этого окна, двадцать лет слушала шаг Левиафана, и сегодня ритм сбился.

Не остановился. Не замедлился заметно. Просто... дрогнул. Как будто гигантское существо, на котором они жили, на секунду задумалось.

Веспера повернулась к карте на стене.

Сто лет пути Эгиды — тонкая белая нить, намотанная кругами по ледяной пустыне. Нить никогда не пересекала себя. Никогда не останавливалась.

Она подошла ближе.

Нить дрогнула.

Не сдвинулась. Не изменила направление. Просто... задрожала, как струна, по которой ударили.

Веспера прижалась лбом к холодному стеклу.

"Что-то проснулось внизу", — подумала она.

И впервые за двадцать лет почувствовала страх.

Не перед неизвестностью. Инквизиторы не боятся неизвестности — они сжигают её.

Она боялась того, что знала.

Двадцать лет назад.

Веспере было двадцать два. Она стояла в Камере Преображения, и перед ней на коленях стоял её брат.

Эмиль. Младший. Ныряльщик, как и она когда-то. Он нашёл что-то в шахтах. Что-то, чего не должен был находить.

"Веспера, пожалуйста", — он смотрел на неё, и в его глазах не было страха. Было понимание. — Я не хотел. Я просто... я увидел её. Девушку. Она светилась. Изнутри. Я не знаю, кто она, но она... она живая. Не кристалл. Живая.

Веспера посмотрела на него.

Она знала, что он нашёл. Она знала, что будет дальше.

"Эмиль", — тихо сказала она. — Ты понимаешь, что это значит?

"Я знаю", — он кивнул. — Это Сердце. То, что украл Первый Инквизитор. То, что спрятано сто лет.

"И что ты собираешься делать?"

Эмиль посмотрел на неё. В его глазах не было страха. Была надежда.

"Я собираюсь рассказать всем. Люди должны знать. Солнце не умерло. Его сердце здесь. Мы можем..."

Он не закончил. Не нужно было.

Веспера знала протокол. Знала, что происходит с теми, кто находит Живое Эхо. Их сжигают первыми. Их кристаллы горят ярче всех.

Она подписала приказ сама.

Эмиль горел на рассвете. Его кристалл был таким ярким, что им топили весь родильный дом три недели. Тридцать детей выжили той зимой благодаря его душе.

Веспера не плакала. Не тогда. Не потом.

Она просто начала книгу.

Первое имя было его.

Эмиль Веспера, 24 года. Ересь. Контакт с Живым Эхо.

Она написала его первой. И с тех пор писала каждое имя сама. Четыре миллиона двести тысяч. Каждое — её вина. Каждое — её искупление. Каждое — её математика.

Триста метров пути за душу. Полторы секунды, пока Ночь не догнала город.

Математика была проста. Математика была чиста.

Но имена... имена были тяжелы.

Веспера отошла от окна. Села за стол. Открыла ящик.

Книга лежала там, как всегда. Закрытая. Тяжёлая. Ждущая.

Она не стала открывать её сегодня. Не стала добавлять сорок семь новых имён.

Вместо этого она взяла приказ, запечатала его воском, позвонила в колокольчик.

Дверь открылась. Вошёл адъютант — молодой, худой, с глазами, которые ещё не видели достаточно, чтобы стать пустыми.

"Отнести в Сектор 7-G", — сказала Веспера, протягивая ему приказ. — Завтра на рассвете.

"Да, ваше Преосвященство."

Адъютант взял приказ, поклонился, вышел.

Веспера осталась одна.

Она посмотрела на пол.

Вибрация прекратилась. Ритм вернулся.

Топ. Пауза. Топ. Пауза.

Но она знала: это была не вибрация механизма. Не сбой в работе ног.

Это было что-то живое.

Что-то, что спало сто лет.

И теперь просыпалось.

ГЛАВА 1: ТРИ МИНУТЫ ДО АДА

Холод не убивает сразу. Он крадёт тебя по кусочкам. Сначала ты перестаёшь чувствовать пальцы, потом перестаёт дрожать подбородок, а в конце ты просто забываешь, каково это — быть живым.

Но в Выхлопной Шахте №4 было не холодно.

Там было так жарко, что пот на теле Каэля испарялся, оставляя на коже корку из соли и грязи.

"Две минуты сорок секунд", — прошипел респиратор на его лице. Голос ИИ в наушнике звучал так же безразлично, как и сам Левиафан, под чьим стальным брюхом он сейчас висел. — Температура в ядре: восемьсот градусов. Рекомендую завершить сбор.

"Заткнись", — выдохнул Каэль, вбивая крюк абордажного когтя в переборку. Металл под его перчатками раскалён добела.

Он висел над бездной.

Внизу, в недрах механического сердца города, ревело пламя. Тысячи Эхо-кристаллов сгорали в топках, отдавая тепло Эгиде. Но Каэлю были нужны не те, что сгорели. Ему нужны те, что не успели. Непрогоревшие осколки душ. На чёрном рынке один такой камешек стоил как год жизни во Внутреннем Кольце.

Он качнулся на тросе и нырнул в боковой вентиляционный канал. Жар ударил в лицо, несмотря на термо-костюм. Каэль прищурился. В полумраке, подсвеченном лишь тусклым красным свечением лавы, он увидел их.

Гнездо.

Сотни необработанных Эхо-кристаллов застряли в фильтре. Они пульсировали слабым, болезненным светом. Каэль усмехнулся. Хватит на десять лет. Он достал сумку и начал жадно сгребать кристаллы. В каждом из них застыл чей-то предсмертный ужас, чья-то агония. Они шептали ему прямо в голову, но Каэль давно научился игнорировать голоса мертвецов.

"Одна минута десять секунд", — напомнил ИИ. — Обнаружена аномалия давления. Фильтр нестабилен.

"Ещё тридцать секунд", — огрызнулся Каэль, тянясь к самому крупному кристаллу в центре гнезда. Он светился не тускло-красным, а ослепительно-белым цветом. Такого он не видел никогда.

Он схватил кристалл.

И мир взорвался.

Это был не звук и не свет. Это было воспоминание. Но не чьё-то человеческое. Каэль увидел небо. Не чёрное, не затянутое пеплом, как он видел на старых гравюрах. А голубое. Ослепительно, невыносимо голубое. И в центре его висел огромный, пылающий шар. Он был тёплым. Он был живым.

Каэль закричал, выронив кристалл. Он упал на решётку, хватая ртом воздух, сердце колотилось так, что грозило пробить рёбра.

"Что... что это было?" — прохрипел он.

"Пятьдесят секунд. Критический перегрев. Немедленно поднимайтесь."

Каэль хотел подчиниться. Он хотел дёрнуть лебёдку. Но тут он заметил, что белый кристалл не упал на решётку. Он катился. Сам по себе.

Каэль пополз за ним, игнорируя сирену в наушнике. Кристалл закатился в узкую щель между шестернями главного привода. Каэль посветил фонариком.

Там не было кристалла.

Там сидела девушка.

Ей было на вид лет семнадцать. Она была обнажена, но её кожа не горела в аду шахты. Она светилась. Изнутри. Её вены пульсировали тем самым ослепительно-белым светом, который Каэль видел в видении. К её запястьям и лодыжкам были приварены массивные медные трубы, по которым текла охлаждающая жидкость. Она была не просто топливом. Она была живым реактором.

Девушка медленно подняла голову. Её глаза были полностью белыми, без зрачков.

"Ты... настоящий?" — её голос прозвучал не в воздухе, а прямо в голове Каэля. Голос звучал как треск горящего дерева и звон стекла.

"Девять секунд", — взвизгнул ИИ. — Трос сматывается!

Каэль замер. Инквизиция Пепла сжигала таких, как она, на костре ещё до рождения. "Живые Эхо" были ересью. Но если он продаст её... нет, если он просто освободит её, она даст ему столько света, что он купит весь Левиафан.

Он рванул вперёд, выхватывая плазменный резак.

"Держись! Я тебя вытащу!"

Он чиркнул резаком по медной трубе. Искры брызнули в лицо. Труба не поддавалась.

"Три. Два. Один. Автоматический подъём."

Трос дёрнулся. Каэля начало тащить вверх.

"Нет! Подожди!" — заорал он, цепляясь свободной рукой за решётку.

Девушка посмотрела на него. В её слепых глазах вдруг мелькнуло что-то пугающее. Не благодарность. Не страх. Голод.

Она протянула руку и коснулась его пальца через раскалённый металл.

В ту же секунду Каэль понял свою ошибку. Она была не тюрьмой для сущности, сожравшей солнце.

Она и была этой сущностью.

Белый свет хлынул из её руки в его тело. Каэль почувствовал, как его воспоминания — детство, лицо сестры, запах дешёвого синтетического хлеба, его собственное имя — начинают испаряться, сгорая дотла, заменяясь чем-то древним, горячим и бесконечно злым.

"Спасибо за ключ, маленький человек", — прошептало нечто в его голове.

Трос рванул его вверх, выдёргивая из шахты. Последнее, что увидел Каэль перед тем, как его сознание начало тонуть в ослепительной белизне, было то, как девушка в шахте улыбается.

А в его кармане, там, где лежали украденные кристаллы, что-то начало пульсировать в ритме его собственного, больше ему не принадлежащего сердца.

ГЛАВА 2: ОСТАТКИ МИРА

Трос тащил его вверх, и Каэль висел, как кукла на верёвке, чувствуя, как белый огонь в венах пульсирует в такт его сердцу. Нет, теперь это было не его сердце. Оно билось в другом ритме — медленнее, глубже, как будто внутри него проснулось что-то древнее.

Он попытался вспомнить, что произошло.

Девушка в шахте. Белый свет. Прикосновение.

И потом — пустота.

Не темнота. Не забытьё. Именно пустота. Как будто кто-то взял ластик и стёр часть его сознания.

Каэль закрыл глаза и попытался вспомнить лицо матери.

Пусто.

Он помнил запах — пыль и сушёная мята. Помнил звук смеха. Помнил, как она стояла у окна в их старой каюте в Нижнем Ярусе. Но лица не было. Там, где должна была быть её улыбка, зияла чёрная, выжженная дыра.

Паника подступила к горлу, но Каэль подавил её. Он был Ныряльщиком. Он знал: паника в шахте — это смерть.

Он открыл глаза. Посмотрел на свои руки.

Под кожей, сквозь грязь и копоть, отчётливо светились белые вены. Они пульсировали, как живые, и Каэль чувствовал, как с каждым ударом что-то внутри него меняется. Не тело — что-то более глубокое. Что-то, что он не мог назвать словом.

"Две минуты до шлюза", — сообщил ИИ. — Температура тела: сорок два градуса. Рекомендуется немедленная медицинская помощь.

Каэль не ответил. Он смотрел на сумку, прижатую к боку. Кристаллы внутри молчали. Обычно они шептали — голоса мёртвых, их предсмертные страхи, их последние мысли. Но сейчас они молчали, словно боясь того, что теперь сидело внутри него.

Трос дёрнулся, и Каэль вылетел из шахты, приземлившись на металлическую решётку приёмного шлюза. Холод ударил в лицо — резкий, абсолютный. Термокостюм, ещё секунду назад бывший раскалённой сковородой, теперь покрылся инеем.

Каэль упал на колени и начал неудержимо дрожать.

"Спуск завершён. Время: две минуты пятьдесят восемь секунд", — бесстрастно сообщил ИИ. — Пульс учащён. Температура тела критически низкая.

Каэль не слушал. Он сидел на грязном полу, хватая ртом воздух, пахнущий машинным маслом и озоном, и пытался вспомнить.

Не мать. Не лицо. Он пытался вспомнить, каково это — быть живым.

И не мог.

Семь лет назад.

Каэлю было одиннадцать.

Он сидел в вентиляционной шахте, прижавшись спиной к холодной стене, и слушал, как где-то далеко ревут топки. Он прятался от патруля Инквизиции — они искали Ныряльщиков, которые крали кристаллы. Каэль украл три. Маленькие, тусклые, едва тёплые. Но даже за них могли сжечь.

Он слышал шаги. Тяжёлые, металлические — сапоги Инквизиторов. Они приближались.

Каэль затаил дыхание. Прижался к стене так сильно, что почувствовал, как рёбра вдавливаются в спину.

И тут он услышал другой звук.

Плач.

Тихий, жалобный, как у котёнка. Звук шёл из бокового канала — узкой трубы, в которую взрослый не пролез бы.

Каэль замер.

Плач повторился.

Он должен был уйти. Патруль был близко. Любой шум — и его поймают. Сожгут. Его душа станет кристаллом, и кто-то будет греться у огня, который горит из его страха.

Но плач не прекращался.

Каэль пополз к боковому каналу. Посветил фонариком.

Внутри, свернувшись калачиком, сидела девочка.

Ей было года четыре. Маленькая, худая, с огромными глазами, которые в свете фонарика казались белыми. Не от страха. Они были белыми по-настоящему — без зрачков, как у мёртвой рыбы.

Она смотрела на него и плакала. Тихо, беззвучно, как будто забыла, как кричать.

"Эй", — прошептал Каэль. — Ты кто?

Девочка не ответила. Она просто смотрела на него и плакала.

Каэль услышал шаги ближе. Патруль был в десяти метрах.

Он должен был уйти. Он знал это. Но он посмотрел на её белые глаза, на её грязное лицо, на её тонкие руки, обнимающие колени, и понял: он не может её оставить.

Он протянул руку.

"Иди сюда", — прошептал он. — Тихо. Иди ко мне.

Девочка посмотрела на его руку. Потом на его лицо. И медленно, очень медленно, она поползла к нему.

Каэль вытащил её из канала, прижал к себе, закрыл своей курткой. Она была холодной, как лёд, и дрожала так сильно, что он боялся, что она развалится.

"Как тебя зовут?" — прошептал он.

Девочка посмотрела на него. Её белые глаза были пустыми, но в них было что-то — не страх, не боль. Что-то похожее на... узнавание.

"Лира", — прошептала она.

Каэль кивнул. "Меня зовут Каэль. Сейчас мы тихонько уйдём. Хорошо?"

Она кивнула.

И они ушли. Тихо, как тени, проскользнули через вентиляцию, пока патруль Инквизиции проходил в десяти метрах от них, не подозревая, что в этих стенах прячутся два ребёнка — один с тремя украденными кристаллами, другая с белыми глазами и без прошлого.

Настоящее.

Каэль вышел из шлюза и побрёл через Ржавый Квартал. Улицы были узкими, тёмными, залитыми тусклым жёлтым светом натриевых ламп. Вокруг сновали такие же, как он — грязные, замучённые Ныряльщики, которые возвращались из шахт с мешками кристаллов или без них.

Он шёл механически, автоматически обходя патрули, пряча сумку с кристаллами под курткой. Его ум был занят другим.

Он пытался вспомнить.

Не мать. Не лицо. Он пытался вспомнить, как он нашёл Лиру.

И не мог.

Он помнил, что нашёл её семь лет назад. Помнил, что ей было четыре. Помнил, что у неё были белые глаза. Но как он её нашёл? Где? Почему она была одна?

Пусто.

Каэль остановился посреди улицы и закрыл глаза.

Паника подступила снова, но он подавил её. Он был Ныряльщиком. Он знал: паника — это смерть.

Он открыл глаза и пошёл дальше.

Ему нужно было домой. К Лире.

Он добрался до своей каюты в самом нижнем, гнилом ярусе только через час. Он обошёл все блокпосты по вентиляционным шахтам, рискуя свариться заживо ещё раз.

Он открыл тяжёлую герметичную дверь и вошёл внутрь.

В тусклом свете единственной лампы сидела Лира.

Ей было двенадцать, но из-за пепельной чахотки она выглядела на все пятнадцать. Она кашляла в тряпку, свернувшись калачиком на тонком матрасе. Её лицо было бледным, почти серым, а под глазами залегли тёмные круги, как у старика.

"Каэль?" — она подняла голову, и её глаза расширились. — Ты весь в крови. Что случилось?

Каэль бросился к ней, упал на колени и обнял её. Она была такой хрупкой, такой холодной. Он прижался щекой к её волосам. Пахло пылью и сушёной мятой. Как у мамы.

Он замер.

Откуда он знал этот запах? Он не помнил мать. Он не помнил её лица. Но запах... запах он помнил.

"Я купил нам билеты", — хрипло сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — В Внутреннее Кольцо. Нам больше не нужно дышать этим дерьмом, Ли. Мы уезжаем.

Лира слабо улыбнулась и погладила его по спине.

"Ты хороший, брат."

Каэль отстранился, чтобы достать сумку. Ему нужно было увидеть кристаллы. Ему нужно было убедиться, что награда реальна, что его жертва (его память, его душа) была не напрасной.

Он расстегнул пряжку и заглянул внутрь.

Внутри не было кристаллов.

Там лежали десятки маленьких, идеально круглых стеклянных шариков. Внутри каждого шарика плавала чёрная жидкость. И в центре каждого шарика был крошечный, идеально прорисованный человеческий зрачок.

Десятки глаз смотрели на него из сумки. И все они моргали.

Каэль захлопнул сумку так резко, что стекло внутри жалобно звякнуло.

"Каэль..." — тихо прошептала Лира. Она не смотрела на сумку. Она смотрела на его шею, где под кожей пульсировала белая вена. — Почему ты пахнешь Солнцем?

В голове Каэла снова раздался треск горящего дерева.

"Она видит меня, маленький человек. Она видит меня с самого рождения. Твоя сестра... она не больна. Она — якорь. И теперь Инквизиция знает, где нас искать."

Каэль посмотрел на Лиру. Её белые глаза — да, они были белыми, он просто не замечал этого раньше — смотрели на него с выражением, которое он не мог понять. Не страх. Не удивление. Что-то похожее на... признание.

"Ли", — он сглотнул. — Что ты знаешь?

Лира молчала долго. Потом она встала с матраса — медленно, осторожно, как будто боялась, что он сломается — и подошла к нему.

Она положила ладонь на его щёку. Её кожа была холодной, как лёд.

"Каэль", — тихо сказала она. — Мне нужно рассказать тебе правду.

И в этот момент за дверью раздался звук.

Тяжёлые шаги. Много шагов.

Инквизиция.

ГЛАВА 3: КОД ЧЁРНЫЙ

Веспера стояла у окна и смотрела, как Левиафан переставляет лапы.

Топ. Пауза. Топ. Пауза.

Ритм был ровным. Надёжным. Как всегда.

Но она знала: что-то изменилось.

Дверь открылась. Вошёл адъютант — тот самый молодой, худой, с глазами, которые ещё не видели достаточно.

"Ваше Преосвященство", — его голос дрожал. — Датчики в Секторе 4 зафиксировали аномалию. Выхлопная Шахта №4. Всплеск энергии... такого не было сто лет.

Веспера не обернулась.

"Какого типа?"

"Белый свет. Чистый. Без примесей. Датчики... они не могут его классифицировать. Это не Эхо-кристалл. Это... что-то другое."

Веспера закрыла глаза.

Сто лет.

Сто лет она жила с этой математикой. Четыре миллиона двести тысяч душ. Каждая — триста метров пути. Каждая — полторы секунды, пока Ночь не догнала город.

И сто лет она знала: что-то внизу. Что-то, что её брат нашёл перед смертью. Что-то, что Первый Инквизитор украл.

Сердце.

Она открыла глаза.

"Кто был в шахте?"

Адъютант посмотрел в планшет. "Ныряльщик. Каэль, двадцать два года. Нижний Ярус, Сектор 7-G. Судимостей нет. Работает на чёрном рынке."

"Жив?"

"Да. Вышел из шахты. Направляется в Нижний Ярус."

Веспера повернулась от окна.

"Код Чёрный", — сказала она. — Закрыть сектор. Все Ныряльщики на проверку. Найти его.

Адъютант побледнел. "Ваше Преосвященство... если мы закроем сектор, тысячи людей останутся без тепла. Без света. Они..."

"Они выживут", — отрезала Веспера. — Или умрут. Но если мы не найдём его... умрём все.

Адъютант кивнул. Вышел.

Веспера осталась одна.

Она подошла к столу. Открыла ящик.

Книга лежала там, как всегда. Закрытая. Тяжёлая. Ждущая.

Она открыла её.

Четыре миллиона двести тысяч имён. Её рукой. Каждое — её вина. Каждое — её искупление.

Она начала листать. Быстро, уверенно, зная, где искать.

И нашла.

Эмиль Веспера, 24 года. Ересь. Контакт с Живым Эхо.

Её брат. Двадцать лет назад.

Она помнила тот день, как будто это было вчера.

Двадцать лет назад.

Эмиль пришёл к ней ночью. Его лицо горело, глаза блестели.

"Веспера, я нашёл её", — он говорил быстро, сбивчиво. — В шахте. Девушку. Она светится. Изнутри. Я не знаю, кто она, но она... она живая. Не кристалл. Живая.

Веспера посмотрела на него.

Она знала, что он нашёл. Она знала, что будет дальше.

"Эмиль", — тихо сказала она. — Ты понимаешь, что это значит?

"Я знаю", — он кивнул. — Это Сердце. То, что украл Первый Инквизитор. То, что спрятано сто лет.

"И что ты собираешься делать?"

Эмиль посмотрел на неё. В его глазах не было страха. Была надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.